

Л. А. Мясникова, О. В. Крутеева

Народные художественные промыслы – хранители самобытности Уральского региона

В статье поднимается проблема сохранения самобытности российских провинциальных регионов в эпоху глобализации. Выявляются смысловые нюансы, позитивные и негативные коннотации слова «провинция» по отношению к Уралу. Современный Урал ассоциируется и с мегаполисами, и с промышленными моногородами, и с маленькими тихими городками, в которых глобальная цивилизация не разрушила самобытности. Самобытность – основа самоидентификации людей. Носителями, хранителями уникальной культуры провинции выступают народное искусство, народные художественные промыслы. Особость народных художественных промыслов связана и с историческими условиями формирования Урала как части России, и с горнозаводской цивилизацией, возникшей здесь и ставшей предтечей промышленного Урала советского и современного периодов. Две ветви народных художественных промыслов (характеризующих традиционный крестьянский уклад, сформировавшихся на основе развития промышленности), имея особенности, обладают и общими признаками, характерными для культуры Урала.

Существует проблема и задача сохранения и развития (то есть наследования) традиции, явленной в народных художественных промыслах, мировой славы, которую они принесли России. Способами сохранения и наследования могут быть современные социокультурные практики: музейные, выставочно-ярмочные и в особенности туристические.

Ключевые слова: Урал, провинция, самобытность, идентификация, горнозаводская цивилизация, малые города, народные художественные промыслы, сохранение, наследование, развитие социокультурных практик.

L. A. Myasnikova, O. V. Kruteeva

National Art Crafts – Custodians of Identity of the Ural Region

The article concerns the issues particularly important for preserving cultural identities of the Russian provinces in the globalization epoch. The authors reveal nuances of meanings and negative connotations referred to the Urals as a provincial region. People associate today's Ural with megapolises, industrial «mono» cities, and, at the same time, with little quiet towns, where global civilization has not destroyed their uniqueness yet. The uniqueness constitutes the foundation for people's self-identification. Folk arts and craft productions serve as depositaries and custodians of the unique provincial culture. The distinctive character of the craft productions roots in historical conditions that has formed the Urals as a part of Russia with mining industrial civilization preceded the industrial Urals of the Soviet Era and the Post-Soviet period. There are two trends of the Urals craft productions: the traditional peasant's style and the one, based on industrial development; both have unique peculiarities and common features characteristic for the Urals culture.

The article also highlights the problem and the task of preserving and developing (i.e. inheriting) the craft traditions of the Urals, the world glory that they brought to Russia. The ways to maintain and to promote them could include modern sociocultural practices – museums, exhibition and fair activities, and especially tourism.

Keywords: the Urals, province, uniqueness, identification, mining industrial civilization, small towns, craft productions, preserving of the heritage, development of sociocultural practices.

Россия состоит из множества самобытных регионов, каждый из них уникален и вместе с тем является проявлением Русской земли, русской культуры. Как Россия состоит из отдельных регионов, так и материнская русская культура состоит из провинциальных региональных культур.

Понятие провинция чаще всего определяется не только как отдельная территория и «не центр», «не столица», но еще и негативные коннотации – «не-современности», «отсталости», «консерватизма», «медвежьего угла» и т. п. Эти коннотации выражала и классическая литература: «В деревню к тетке, в глушь, в Саратов!» (у Грибоедова в «Горе от ума») и кинематограф: «Она что, с Урала?» (о героине, далекой от модных тенденций, в фильме «Самая обаятельная и привлекательная»). Но «Россия – это, прежде всего, провинция для жителей которой раз-

витие культуры и образования имело особое значение» [1, с. 367]

«Край родной» часто мыслится задворками цивилизации. К Уралу подобные коннотации относятся в полной мере. Пусть он – «хребет России», «опорный край державы», однако еще и суровый край, каторжное место, сырьевая база, сырьевой ресурс России.

Имидж региона в советский период – «трудоу Урал», «центр промышленности», «военно-сырьевой комплекс», «Уралмаш – завод заводов» и т. п. В постперестроечный период – криминальный регион, родина Б. Н. Ельцина, место убийства последнего императора России и его семьи.

В настоящее время Урал нередко отождествляется с мегаполисами (Екатеринбург, Челябинск, Пермь...) либо с промышленными центрами (Ниж-

ний Тагил, Магнитогорск). Какие-то из них – современные «хайтековские» центры (Екатеринбург), какие-то остаются почти теми же промышленными городами, что и в СССР (Нижний Тагил, Магнитогорск).

Мегаполисы – современные города, но современный мир характеризуется процессами глобализации, и его унифицированность ведет к появлению пространств, практически ничем не отличающимися друг от друга. Потеря самобытности, «особости» территорий часто приводит к тому, что человек не может в полной мере идентифицировать себя со своей малой родиной. Есть ли то, что позволит жителям региона с гордостью сказать: «Я с Урала!»

Вместе с тем, кроме крупных урбанистических центров, на Урале много городков с тихим, провинциальным укладом жизни. По отношению к ним провинциальность понимается как отсталость, несовременность, но под иным углом зрения провинция – место, где современная унифицированная жизнь не спешит заявлять свои права, «тихий уголок», который пестует свою самобытность, сохраняя (часто потерянную большими городами) уникальность, проявляющуюся и в особом характере местных жителей, и в этнической мозаичности, и, конечно, в народном искусстве. Невьянск, Сатка, Куса, Златоуст, Шадринск, Туринск, Касли – сколько таких провинциальных городков на карте Урала? Сколько мест, где провинциальность становится положительным качеством, «оберегом» самобытности, ярким проявлением которой всегда выступали народные художественные промыслы. Именно они в свое время во многом определили границы уральской культуры, заявив о себе в культуре Российской и в культуре мировой.

Говоря о народном искусстве, важно подчеркнуть, что на Урале происходит формирование и развитие двух больших групп народных художественных промыслов. С одной стороны, это промыслы, характерные для традиционного крестьянского жизненного уклада: пряжание, вязание и ткачество, изготовление и роспись хозяйственной утвари, гончарное ремесло, берестяной промысел, плетение из лозы, столярное и плотницкое ремесла. И здесь, конечно, нужно назвать оренбургский пуховый платок, салдинские бураки, таволожскую и кунгурскую керамику, уральскую домовую роспись, невянскую икону, пермскую деревянную скульптуру, обвинскую роспись, которые стали наиболее яркими проявлениями данной группы. Вторая же группа сформировалась под влиянием горнозаводской жизни, на многие годы определившей существование края в качестве промышленного региона страны. Кузнечное дело в его художественных проявлениях, художественное литье, камнерезное и ювелирное искусство, лаковая роспись по металлу, гравюра на стали, художественная

медь, возникшие на стыке древних традиций, крестьянского жизненного уклада, зарождающейся промышленности и высокого европейского искусства, в XVIII–XIX вв. приносят Уралу поистине мировую славу: Златоустовская гравюра на стали, Екатеринбургский гранильный промысел, Каслинское художественное литье, Тагильская лаковая роспись, Невьянский сундучный промысел, Пермский камнерезный промысел.

Несмотря на данное деление и те, и другие промыслы обладают общими чертами и характерным уральским колоритом. В них переплелись отголоски язычества, традиции крестьянского народного творчества и новации промышленного производства.

Историю формирования культуры Урала можно отсчитывать с XVI–XVII вв., когда начинается заселение Урала русскими, возводятся города-крепости по Тоболу, Туре, Пельму, Тавде... В это время на Урал пришли вятичи, костромичи, устюжане, архангельские поморы, соединяясь с коренными обитателями хантами, манси, коми. Здесь же уже живут татары, башкиры, удмурты, чуваша. Однако главное горнило, в котором выплавилась самобытность и уральцев и уральской культуры, – горнозаводская цивилизация. Для строительства горных заводов и для работы на них потребовались новые рабочие руки. И вновь на Урал двинулись малороссы, северяне-раскольники с реки Кержач (кержаки), это были и свободные переселенцы, и беглые, и купленные в Центральной России крепостные. Смешение народов на почве горнозаводской цивилизации породило уникальную культуру, соединив традицию и новации того времени.

Так, в домовой росписи (в расположении орнамента, использовании определенной символики) явно прослеживаются не только отголоски языческих верований, но и влияние Русского севера, откуда шел поток будущих горнозаводских рабочих (изображения льва и единорога), а позднее появляются и картинки из бытовой жизни и жизни края (например, паровоз на стене горницы Нижнесинячихинского музея-заповедника). В соединении иконописной традиции, крестьянского искусства и промышленного производства рождается Тагильский поднос, в орнаментах и цветовых решениях художественной меди видно влияние не только сольвычеготских мастеров, но и новгородцев (сетчатый орнамент), а богатство растительных и зооморфных мотивов и их стилистика говорит о знакомстве с произведениями высокого мирового искусства XVII–XVIII вв. Не ясно, откуда взялась знаменитая уральская роза, которую видим и на иконах, и в домовой росписи, и на сундуках, и на подносах, – то ли от малороссов, то ли от голландцев.

Особо надо отметить и само понимание красоты в работах мастеров-ремесленников. Для уральцев она не на поверхности, не на виду – скрыта внутри, в породе, в камне. Только настоящий мастер увидит в необработанном материале красоту формы, а потом «достанет» ее на поверхность, обработав металл и камень так, что заиграет он во всей красе.

Несмотря на то, что художественные промыслы когда-то были гордостью Уральского региона, сегодня их состояние оставляет желать лучшего. Современный мир рождает безликие вещи массового производства, а красота народного искусства уходит в небытие. Промыслы, переданные нам предками, наше наследство, богатство прошлых поколений часто становятся ненужными, и даже в местах традиционного бытования можно наблюдать их деградацию.

«Если какой-либо элемент культуры, несущий символическую нагрузку, не будет привлекать людей, он ослабнет и придет в упадок», – писал Дин Макканелл [2, с. 16]. Действительно, чтобы народные художественные промыслы жили, они должны быть не просто осмыслены, а изделия мастеров-ремесленников «законсервированы» в музейных коллекциях, мы должны воспринять этот дар, принять его и преумножить, только тогда можно говорить о наследовании и традиции. Настоящее должно обратиться к прошлому, актуализировать его. И тогда оно не просто может войти в современную жизнь, но станет импульсом, новой ступенькой развития уральской культуры.

Такой процесс невозможен без обращения к социально-культурным практикам: музейным и галерейным, выставочно-ярмарочным и туристским. Данные практики могут выступать в различных «ролях», воздействуя, с одной стороны, на народное искусство и его хранителей, а с другой – на само место, давшее рождение ремеслу. В данном случае мы вновь обращаемся к тем небольшим провинциальным городкам и селам, которые закреплены в названиях уральских художественных промыслов. Златоуст, где и сегодня работает около 40 граверных мастерских, Нижний Тагил, с его подносным промыслом, Шадринск, создающий «берестяное барокко», Туринск, возрождающий свою деревянную игрушку и традиции Урало-Сибирской росписи... Для таких мест как воздух необходимо создание культурной среды, которая поддерживала бы интерес к народному искусству.

Так, музеи должны не просто оставаться «вещественными архивами прошлого», они должны стать пространством, где это прошлое активно вовлекается в современность: через интерактивные экскурсии, через мастер-классы, через вовлечение посетителя в сам процесс создания тех или иных вещей. Здесь возможна и совместная деятельность с предпринятиями и мастерами, организация посещения

старых производств и т. д. Музей провинциального городка должен стать «основой идентификации жителей», выполнять воспитательные функции, пытаться «передать богатство народной повседневной культуры потомкам» [3].

Конечно, такая работа ведется. Так Златоустовский краеведческий музей в рамках образовательных проектов проводит интересную театрализованную экскурсию «Гора самоцветов Златоустовского Урала», которая рассказывает об истории города и уникальном искусстве гравюры на стали. На этой же площадке ежегодно проходит конкурс «Наследники Иванко-Крылатко» на лучший эскиз изделия, украшенного в традициях златоустовской гравюры. Проходят мастер-классы по лаковой росписи в музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» в Нижнем Тагиле. Устраиваются театрализованные представления в Нижнесинячихинском музее-заповеднике.

Нельзя забывать и о выставочно-ярмарочной деятельности. В регионе проводятся выставки-ярмарки и фестивали народных ремесел: Верхотурская рождественская ярмарка, фестиваль народных художественных промыслов «Тайны самоцветного кольца» в Нижних Таволгах, фольклорный фестиваль и ярмарка ремесел «Малахитовая шкатулка» в Екатеринбургe, фестиваль народной культуры «Туринская околица» в Туринске, Ирбитская выставка-ярмарка, фестиваль камня «Самоцветная сторона» в Нижнем Тагиле. Но часто уровень этих мероприятий невысок, да и об их проведении мало кто знает.

А ведь фестивали и ярмарки – прекрасный повод организации событийного туризма в регионе. Так, недалеко от Челябинска ежегодно проводится Всероссийский Бажовский фестиваль народного творчества, который стал прекрасной площадкой для ремесленников. На Аллее мастеров в Мастерской слободе организуются выставки декоративно-прикладного творчества, мастер-классы, конкурсы и показательные выступления ремесленников. Представлены на фестивале и уральские ремесла: камнерезное и гончарное, деревянное и берестяное, лозоплетение и лоскутное творчество и многие другие.

Вообще, сегодня туризм – не только возможность экономического роста в регионе (хотя этот фактор ни в коем случае нельзя принижать), это средство социокультурных изменений. Современный туризм способен как ничто иное не только оказывать влияние на сохранение аутентичной культуры народов разных стран и регионов, но и служить стимулом развития провинций. Кроме того, именно туристские практики способны создавать особые пространства, места, образы, при помощи которых человек может обрести свою принадлежность к культуре, найти в ней свое «место». И если для мирового туризма это «небоскребы Нью-Йорка, место

рождения Шекспира в Англии, Мачу-Пикчу в Перу» [5, с. 457], то для Урала это может быть образ Горнозаводской Цивилизации, с ее промышленностью, народными художественными промыслами и региональной культурой [4].

Причем, самобытная культура Урала – не только прошлое, но и современность. В творчестве нынешних мастеров по-своему преломилось искусство народных промыслов: вещи художника и кузнеца А. Лысякова, превратившего кузнечное искусство практически в ювелирную пластику, кованные лошади А. Потаскуева, камнерезные изделия Д. Богомозова, А. Антонова, Ю. Шмакова и многих других несут в себе традицию. Продолжают ее и ювелиры В. Хахалкин, В. Пичугов, В. Плашкин, гончары Галина и Сергей Ильины, автор чудных птиц-свистух Н. Колодкин и многие другие. И фьюзинг Ю. Крутевой (казалось бы, далекий от уральских промыслов), и берестяные самовары В. Махнюка неожиданны и вместе с тем не чужды традиции. Да и в таких различных произведениях больших мастеров-художников, как М. Брусиловский, В. Волович, Э. Неизвестный, Н. Коляда, представители уральской рок-культуры, Б. У. Кашкин (старик Букашкин), Т. Радя (украшивший абажурами зимние скверы Екатеринбурга), тоже выражена узнаваемая культурная традиция. Нет прямого заимствования, но есть воплощение «гения места», духа Урала.

Урал – провинция. Но Провинция с большой буквы. Место со своим образом жизни, со своим менталитетом, со своей особой культурой. Здесь гармонично соединились и ландшафт, и история, и самобытное народное искусство, и искусство профессиональное. Нужно лишь приложить усилия, создать условия, при которых регион не только станет местом, привлекающим туристов, но и местом, о котором его жители могли бы с достоинством сказать: «Да, я с Урала!». И в этом процессе не последнюю роль должны сыграть народные художественные промыслы, которые, как и прежде, могут стать лицом региона, его визитной карточкой, его гордостью.

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С., Груздев, М. В., Воронин, Н. П. Национальный исследовательский центр «Миф русской провинции» [Текст] / Т. С. Злотникова, М. В. Груздев, Н. П. Воронин // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 4. – С. 367–372.
2. Макканелл, Дин. Турист. Новая теория праздного класса [Текст] / Дин Макканелл. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 280 с.
3. Мясникова, Л. А. Музейная практика как форма культурной памяти и наследования [Электронный ресурс] / Л. А. Мясникова // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». – 2015. – № 9. –

Режим доступа: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1446>

4. Туризм в культурной географии Уральского региона [Текст] / под. общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. – 365 – ISBN 978–5–7741–0269–3 (в соавторстве с С. А. Рамзиной, О. Ю. Зотовой и др.)

5. Урри, Дж. Мобильности [Текст] / пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Н. А. Харламова. – М.: издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Zlotnikova, T. S., Gruzdev, M. V., Voronin, N. P. Nacional'nyj issledovatel'skij centr «Mif ruskoj provincii» [Tekst] / T. S. Zlotnikova, M. V. Gruzdev, N. P. Voronin // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 4. – S. 367–372.
2. Makkanell, Din. Turist. Novaja teorija prazdnogo klassa [Tekst] / Din Makkanell. – M.: Ad Marginem Press, 2016. – 280 s.
3. Mjasnikova, L. A. Muzejnaja praktika kak forma kul'turnoj pamjati i nasledovaniya [Jelektronnyj resurs] / L. A. Mjasnikova // Politematicheskij zhurnal nauchnyh fpublikacij «Diskussija». – 2015. – № 9. – Rezhim dostupa: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1446>
4. Turizm v kul'turnoj geografii Ural'skogo regiona [Tekst] / pod. obshh. red. d-ra filos. nauk, prof. L. A. Mjasnikovoj. – Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. – 365 – ISBN 978–5–7741–0269–3 (v soavtorstve s S. A. Ramzinoj, O. Ju. Zotovoj i dr.)
5. Urri, Dzh. Mobil'nosti [Tekst] / per. s angl. A. V. Lazareva; vstup. stat'ja N. A. Harlamova. – M.: izdatel'skaja i konsaltingovaja gruppa «Praksis», 2012. – 576 s.

Reference List

1. Zlotnikova T. S., Gruzdev M. V., Voronin N. P. National research center «Myth of the Russian Province» // Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2017. – № 4. – P. 367–372.
2. Makkanell Din. Tourist. New theory of an idle class. – M.: Ad Marginem Press, 2016. – 280 p.
3. Mjasnikova L. A. Museum practice as form of cultural memory and inheritance [An electronic resource] // Polythematic magazine of scientific publication «Diskussiya». – 2015. – № 9. – Access mode: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1446>
4. Tourism in cultural geography of the Ural region / under general editorship of Dr. of Philisophic Sciences, Prof. L. A. Mjasnikova. – Ekaterinburg: Humanitarian university, 2017. – 365 – ISBN 978–5–7741–0269–3 (in collaboration with S. A. Ramzina, O. Yu. Zotova, etc.)
5. Urri J. Mobility / translated from English by A. V. Lazarev; N. A. Kharlamov's introductory article. – M.: Publishing and Consulting Group «Praksis», 2012. – 576 p.